

СМЕШНЫЕ ДЕТЕКТИВЫ

Елена Логунова

КУПИДОН
С ЖАРЕННЫМ
ЛУКОМ

Смешные детективы

Елена Логунова

Купидон с жареным луком

«ЭКСМО»

2021

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Логунова Е. И.

Купидон с жареным луком / Е. И. Логунова — «Эксмо»,
2021 — (Смешные детективы)

ISBN 978-5-04-120319-1

Алиса Пеструхина купила дом в деревне, где живут ее родственники – теть Вера и двоюродный брат Митяй, местный участковый. Однако и там она не нашла желанного покоя! Однажды утром к ней вломился неизвестный, но Алиса не растерялась и оглушила его шваброй. Ей на помощь пришел брат, и выяснилось, что это недавно освободившийся из колонии Андрей Соколов, осужденный за кражу иконы во время реставрации местной часовни. И это было только начало: у соседей Алисы пропало редкое старинное украшение, женский головной убор – кокошник из жемчуга. Подозрение вновь пало на Соколова, но что-то подсказывает девушке – все не так просто!

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-120319-1

© Логунова Е. И., 2021
© Эксмо, 2021

Елена Логунова

Купидон с жареным луком

Тетка Вера оказалась права!

– Не бросай ты, Ляська, швабру с ведерком у порожка, – говорила она, укоризненно тряся тугими барашковыми кудельками – голубенькими, по забытой уже в городе моде. – Убьется же хтось!

– Хтось? – смеялась я, умиляясь неизменной теткиной заботливости. – Кот Шуруп? Я ж одна живу, тетя Вера!

– А как явится хтось? – не унималась тетка.

– Как явится? Откуда? – Тут я взмахивала руками, обводя мировые просторы, на которых до сих пор не нашелся тот «хтось», который явился бы ко мне в деревню Пеструхино.

А «хтось» вдруг взял и явился! И ведь что примечательно: как нарочно, именно когда я закончила мыть полы. И – да, конечно же, по привычке оставила швабру с ведром у порожка. Ненадолго – не неряха же я какая – только на то время, пока буду любоваться сияющими мокрыми полами.

Красно-коричневая краска на них, свежевымытых, будто загустела и сделалась глянцевой, как пасхальное яичко, крашенное в луковой шелухе. Заоконное солнце – ставни я уже распахнула – ударилось в мокрую поверхность, разбилось, запрыгало по неровностям слепящими зайчиками...

Мне нравились мокрые деревенские полы – живые и веселые, не то что строгий и скучный городской ламинат. Не нравились бы – я б их не намывала каждое божье утро. Ну, и швабру с ведерком у порожка не бросала бы. А тут вот бросила, как всегда, и вышло неладно.

Сначала на красно-коричневый глянec, разом прихлопнув с полдюжины резвых солнечных зайцев, упала просторная тень. Я не сразу сообразила, в чем дело, но тут появились чоботы – иначе эту обувь было не назвать. Помятые, заскорузлые, грязные! С намытыми полами они диссонировали, как самогон с «Тирамису», – я ахнула, отмерла и прервала свое благостное буддистское созерцание.

И тут же услышала матерок – досадливый и грязный, как... как эти самые чоботы. Под ними на старательно намытом глянце уже расплывались комковатые желто-серые пятна – по характерному цвету, структуре и амбре я мигом признала самодельное удобрение, только вчера рассыпанное на грядках соседки бабы Дуси.

Я вслух подумала:

– Огородами шел! – И при виде грязюки машинально потянулась за шваброй.

А этот, в чоботах, сказал:

– Вот же с-с-с... – И назвал меня – а кого еще, я же одна живу, кот Шуруп не в счет! – собакой женского рода и женщиной легкого поведения.

У меня как раз уже швабра в руке была, и я ее дернула на себя. А этот, в чоботах, слишком резко и внезапно подался ко мне, ну и встретились они – его подбородок и моя швабра.

Эта их первая встреча была совершенно случайной! Могу поклясться, я не хотела. Мужик, понятно, тоже. О швабре и речи нет – той вообще все параллельно.

Но Хтось схватился за челюсть, снова матерно замычал, а на поруганный красно-коричневый глянec со звоном брякнулось что-то железное, мигом воскресившее часть пришибленных было солнечных зайцев.

Я пытливо моргнула, присматриваясь, – а это ножик! Косой, сапожный, в оплетке синей изоленты – дядя Петя таким из моих фасонистых городских ботильонов чувяки вырезал, когда кот Шуруп в приступе необъяснимого буйства в лоскуты подрал кожаные голенища.

И вот на ножик в сочетании с невнятной матерной угрозой я, признаюсь, отреагировала уже сознательно – шарахнула этого, в чоботах, перекладной швабры, как зловредное насекомое резиновой мухобойкой!

Враг зашатался и присел. Я, развивая успех, бросила швабру, схватила ведро, прицельно выплеснула грязную воду, пустую емкость нахлобучила на чужую мокрую голову и уже по сверкающему оцинкованному железу, как по шлему рыцаря-захватчика, еще разок-другой влупила победоносной шваброй – своей дубиной народной войны.

Ведерно-колокольный звон еще не растаял в воздухе, а я уже летела по деревне, как фурия: в одной руке швабра, в другой массивный, как кочерга, ключ от входной двери – ее я мигом заперла, пленив поверженного вражину в чоботах.

– Ми-и-итя! Митяй! Мить, Мить, Мить! – тревожно высвистывала я на бегу, держа курс через три двора на четвертый – к Митяю, Дмитрию Палычу, здешнему участковому и моему двоюродному брату по совместительству.

Даже не знаю, что для Митяя хлопотнее и утомительнее – служба или наше с ним родство. Хотя родни у Митяя и без меня немало. То ли наша с его матушкой фамилия дала название всему населенному пункту, то ли наоборот, но факт есть факт: мы с теткой Верой Пеструхины из деревни Пеструхино! Хотя тетка, выйдя замуж, фамилию сменила и стала Синеглазовой. А я в браке еще ни разу не состояла и потому до сих пор зовусь, как отчая деревня.

Не то чтобы я видела в этом повод для гордости – мне бы больше понравилось быть тезкой городу Парижу, например... Алиса де Пари, а? Звучит ведь? Это, кстати, мой псевдоним в интернет-журнале «Тренды-бренды», у меня там авторская колонка про всякую-разную гламурятину...

Только не подумайте, что я работаю в «Трендах-брендах» – нет, там я всего лишь подшабашиваю. Официально я трудоустроена в солидном СМИ – газете «ФинансистЪ», но там не очень хорошо платят. Хуже, чем в несерьезных модных «Трендах».

И вот зачем я сейчас об этом, а? Побежала я, стало быть, по деревне к брату-участковому. А Митяй сидел под яблонькой во дворе и ел борщ. Он всегда по утрам ест борщ, глазунью с салом, пироги – основательно так трапезничает. Тетка Вера, маманя Митяя, как раз спускалась с крыльца с парящим чайником и при виде бегущей и вопящей меня – со шваброй! – уронила руки и едва не ошпарилась.

– Митяйчик, ко мне там влез один, а я его бац, бац – и заперла! – лаконичненько доложила запыхавшаяся я и обессиленно упала на лавочку.

– Ох ты ж господи! – Тетка Вера перекрестилась свободной от чайника рукой и поторопилась спуститься с крыльца. – А ну отдыхивай, отдыхивай! Щас тебе чаю налью, а мож самогоночки сразу?

– А заперла-то чего? – утерев ладонью залоснившиеся от жирного борщца губы, лениво поинтересовался Митяй-участковый. – Шоб не сбег? Ему ваше бац-бац не понравилось, а ты не прочь повторить?

– А ну умолкни, охальник! – Тетка Вера сдернула полотенце, используемое вместо фартука, и привычно погрозила им сыну. – Вишь, не в себе девка! Пожалей, зря не выспрашивай.

– Не, не, пусть спрашивает. – Я обмахнулась ладошкой. – Значит, так. Здоровый мужик, как медведь какой, в жутких чоботах...

– Мог бы и их снять, – хохотнул неугомонный Митяй.

– Цыц! – Тетка Вера хлестнула-таки его полотенчиком. – Не мешай слушать! Ляська, рассказывай!

– Я только полы помыла, и тут он! Вломился в дом, обматерил меня, нож уронил, а я его шваброй, шваброй... Или нет, сначала я его шваброй – случайно, потом он меня обматерил, и тогда я его снова шваброй, а он выронил нож... Или опять нет: сначала он выронил нож, а уже потом я его снова шваброй? – Нервничая, я никак не могла восстановить последовательность

событий и очень от этого огорчалась. Обычно у меня с изложением проблем не возникало, акула пера как-никак! – Ох, что же было раньше – курица или яйцо?

– Слышь ты, курица, – построжал Митяй-участковый, откладывая ложку. – Соберись. Я пока не понял, ты кого-то убила, что ль? – И он покосился на швабру.

А тетка Вера опять боязливо перекрестилась.

– Надеюсь, что не убила, – ответила я и прислушалась к своим ощущениям. – Нет, точно не убила. Когда я убежала, он ворочался, ведром о стену бился... Что? – Я обвела обиженным взглядом вытянувшиеся лица непонятливых слушателей. – Да, вот представьте, он в ведре был!

– И в жутких чоботах, – слабым голосом припомнила тетка Вера, тоже села, подперла голову ладошкой и с прискорбием воззрилась на меня.

Я же при упоминании чоботов возмущенно вскинулась:

– Он огородами шел! Грязюки мне натащил торфяной! С-с-собака... мужского рода...

– Стоп, Ляся, Ляся! – Митяй вдруг приподнялся, сунул руку в карман домашних штанов-трикошек, выудил оттуда мобильник и полез смотреть сообщения.

Он что-то нашел, взволновался, выругался, схлопотал от строгой мамки за сквернословие полотенчиком, подорвался и побежал в дом. Вернулся в брюках и при табельном оружии.

– Свят, свят, свят! – Тетка Вера закрестилась размашисто и часто – рука аж расплывалась в воздухе, как разгоняющиеся лопасти вертолета.

– Сидите здесь! Ни с места! – Митяй помчался к калитке по прямой, топчя морковные грядки – цветочков во дворе практичная тетка Вера не признавала.

С полдороги он вернулся, вырвал из моей закаменевшей руки ключ-кочергу, погрозил им:

– Сидеть, не рыпаться! – И шустро выкатился на улицу.

У него для этого очень подходящая конфигурация – почти шар. Утренний борщ с глазуньей и пирогами – та еще диета.

Будоража деревенских собак, Митяй под задорный многоголосый лай покатился по улочке. Мы с теткой сидели ни живы ни мертвы, прислушивались – ждали свиста, криков, выстрелов. Но так и не дождались.

– Шо це було-то таке? – через некоторое время спросила тетка Вера, из-за переживаний перейдя на «балачку».

Дядя Саша, покойный отец Митяя, сорок лет назад закатился в Пеструхино из кубанской станицы. Тетка у супруга много чего переняла – и говорок, и рецепты.

Я пожала плечами и наконец поставила швабру, осознав, что все это время продолжала держать ее в высоком замахе.

Дилинь-дилинь! – в доме затрезвонил телефон. Тетка Вера подскочила и, торопливо ковыляя, убрела в дом. Через минуту она высунулась половинкой лица в окно кухни – короткий телефонный шнур не позволял явиться полнолицо – и крикнула:

– Ляська, Митяй говорит – все норм!

– Ничего себе – норм, – пробормотала я. Такого бурного утра у меня не было давненько, может, даже никогда.

– Митяй его взял! Это беглый был, из колонии, к счастью, недалеко ушел!

– Беглый, – повторила я, ощущая легкое головокружение. – К счастью...

Лично у меня о счастье совсем другое представление, но оно почему-то уже много лет остается умозрительным и никак не сбывается.

В моем представлении о счастье прочно обосновались воображаемые муж и дети, двое: мальчик и девочка. Ее я бы назвала Настей или Дашей, а его – Егором или Денисом.

Мужа пусть зовут как угодно, был бы только человек хороший: честный, добрый, непьющий и работающий. А трудиться он может в любой сфере, но лучше, конечно, в какой-нибудь

творческо-интеллектуальной, как и я, чтобы нам было о чем поговорить и он не пропадал на работе с утра до вечера, а побольше времени проводил с Машей-Дашей, Егором-Денисом и со мной.

Меня, кстати, зовут Алисой. Для деревенских это слишком изысканно, и они кличут меня Ляской. Я откликаюсь, почему бы и нет – в «Ляске» мне чудится остроумная отсылка к известному выражению «точить лясы», а чем, как не этим самым, занимается нынешняя журналистика?

– Шла бы ты, Ляська, вот хоть за Семена Бурякова, – часто говорит мне тетка Вера, неодобрительно цыкая на цифровую фоторамку, которую я привезла из города и пристроила на столике в красном углу, где у порядочных деревенских стоят попеременно иконки и выцветшие фотки родни.

У меня в фоторамке – набор меняющихся картинок из интернета: хорошенькие чистенькие детки, уютный дом, семейный отдых у моря, взрослая пара на фоне заката (он держит ее за руку, она положила голову ему на плечо), дети играют с котом и собакой...

Очень красивые картинки – помогают мне визуализировать мечты.

Пока, правда, у меня сбылся только кот – персидский, рыжий, толстый, сердитый. Я назвала его в честь шумерского города Шуруппака, который был расположен южнее Ниппура, на берегу Евфрата – в древней Персии. Кот же перс!

А «Поучения Шуруппака» – знаменитая книга, один из важнейших примеров шумерской литературы мудрости, призванной обучать смирению, прививать добродетель и оберегать нравственность.

Мне данных качеств, если честно, несколько не хватает – это мне все постоянно дают понять. Кроме кота Шуруппака, за что ему отдельное спасибо. Кот принимает меня такой, какова я есть. И пить. Пока я его своевременно, вкусно и сытно кормлю и пою, Шуруппак ко мне не в претензии.

Для деревенских, правда, и имя кота моего избыточно изысканно, так что Шуруппака они называют Шуруппом. Я же ласково кличу его Шурой, Шуриком – коту все равно, он вообще ни на какие имена не отзывается, реагирует на призывы выборочно и исключительно по собственному желанию.

Кот у меня мудрое животное. Зрелая хвостатая личность. А тетка Вера убеждена, что компании самого зрелого кота относительно молодой женщине недостаточно, и постоянно навязывает мне то Семена Бурякова, то Василия Капустина, то еще кого из местных, сплошь неизысканных.

– Замуж тебе, Ляська, надо срочно. Вот прям бегом! – говорит она, неприязненно косясь на фоторамку с идеальным виртуальным семейством. – Тридцать восемь годков, это ж надо! Да твоя бабка, моя мать, в эти годы уже четвертого рожала!

Я киваю: мол, в курсе. Тем четвертым как раз был мой папа, царство ему небесное.

– Эх, Ляська, Ляська, – тоже вспомнив покойного брата, вздыхает тетка Вера и на какое-то время отстает от меня с разговорами о замужестве.

Она по-своему деликатна, но как-то своеобразно сочетает тактичность с прямолинейностью... Однако что ж я тут расселась да призадумалась? Если дома все норм, пора мне возвращаться.

– Куды? – увидев, что я встала с лавочки, встрепенулась тетка Вера. – А ну, сядь! Сначала поешь, а потом пойдешь.

– Да я дома позавтракаю.

– Знаю я, как ты дома позавтракаешь! Одну печенюшку съешь, литром кофию зальешь – и все это, не отрываясь от своей чертовой машинки!

«Чертовой машинкой» тетка Вера без почтения называет макбук. К дорогой компьютерной технике она относится с нескрываемым подозрением – что это, мол, за надкушенное яблоко на крышке намалякано? Приличную вещь огрызками и объедками не украшают.

Но спорить с теткой Верой по таким основополагающим вопросам бытия, как меню завтрака, бесполезно: задавит живым весом. Митяй не зря такой колобок, в его мамане тоже добрый центнер, я против нее как шахматист против сумоиста – однозначно не выстою. Я даже пытаться не стала и снова села на лавочку.

Чайник, доставленный к прерванному завтраку Митяя, еще не остыл, пироги горкой высились на столе, и заботливая тетка Вера быстро организовала мне основательный прием пищи.

Еле-еле я отвертелась от борща и глазуньи с салом, кое-как сумев ограничить теткино гостеприимство пирогами с медом и сметаной. И все равно наелась, как удав, так что домой к себе поползла медленно, с трудом волоча ноги.

И швабру, конечно, – не бросать же такой полезный инструмент. Швабра пылила за мной по улице, отродясь не знавшей асфальта, мягко подпрыгивая на кочках и жутко интригуя деревенских собак. Под их брехливый лай мы со шваброй добрались до нашего двора.

Калитка, оставленная нараспашку, висела на одной петле. Неужто это мы со шваброй в неистовом порыве ее сломали? Вообще-то мы могли, конечно... Но вот цветочки в палисаднике безобразно помял точно кто-то другой, мы-то со шваброй летели прямо к цели в лице Митяя...

Ах да! Митяй же проводил тут у нас задержание. Я встревожилась: а ну как и в доме у меня в результате успешно проведенной операции теперь беспорядок?

– М-м-мо!

На перила крыльца взлетел кот Шуруп, он же Шуруппак или Шура, распушился, раздулся, как глубоководная рыба, сузил глаза и хлестнул хвостом, сметая с деревянной поверхности лохмы старой краски: показал, что недоволен.

– Шурик, солнышко, ты как тут?

Рыжее солнышко безмолвно, но выразительно ответило на вопрос: повернувшись ко мне пушистым задом, взбрыкнуло, кануло вниз, вынырнуло у моих ног и ловким движением оплело их, едва меня не обрушив.

– Бедный мой зайчик, напугался? Пришли чужие люди, шумели тут, котика пугали, цветочки мяли, – я заглянула в дом и выругалась, – блин, мебель роняли и полы все затоптали!

Сама собой определилась новая программа на позднее утро: вместо того чтобы дописывать статью, мне придется снова взяться за уборку. Хорошо хоть свою верную швабру я в бегах не потеряла.

– Ни шагу без швабры, – сказала я Шуре. – Прямо хоть рисуй ее на своем личном гербе. Выйду на пенсию – напишу мемуары «С шваброй по жизни».

Кот презрительно фыркнул и удалился. Он не любит, когда я начинаю разглагольствовать, а я неудержимо болтаю, когда нервничаю, это меня успокаивает.

Я прошлась по дому и с облегчением выяснила, что беспорядок ограничивается кухней и сенями. Ну, с этим я быстро справлюсь, успею еще до обеда поработать над статьей...

На сей раз, намывая полы, я закрыла наружную дверь на засов. Хватит с меня незваных гостей, приносящих грязь и беспокойство! Я даже возмущенного Шуруппака выставила на веранду, чтобы он по мокрому не топтался.

Я навела в доме порядок, снова вымыла полы, хотела было привычно ими полюбоваться – а не вышло, поломался мой традиционный кайф! Это меня огорчило. Не так много у меня маленьких радостей, чтобы не ощущать болезненно утрату даже одной из них.

А на дворе было лето. Пышное, позднее, перезрелое, одной босой ногой оно уже стояло в осенней луже, но еще не ощущало дискомфорта и сладко жмурилось на солнышке... Я ощу-

тила, как сильно мое настроение не соответствует моменту, и поняла, что с этим нужно что-то делать.

Скользнувшая по краешку сознания мысль о том, что у меня вообще-то статья недописана, а я обещала сдать ее до конца недели, отлетела за пределы видимости и слышимости, отброшенная воображаемым пинком. Садиться за работу решительно не хотелось и категорически не могло.

Ладно, допишу статью завтра, в субботу, а выходной устраю себе прямо сегодня. В конце концов от перемены мест слагаемых результат не меняется. В доме у меня уже было чисто, обед готовить не требовалось – после плотного завтрака у тетки Веры мне и до ужина не проголодаться – и я решила, что сейчас буду пошло барствовать.

Налью себе бокал хорошего вина – да-да, прямо с утра, как настоящая аристократка-дегенератка! – сяду в плетеное кресло-качалку на веранде и буду любоваться цветами в соседском палисаднике, у бабы Дуси. Между нашими дворами невысокий забор из штакетника, а за ним богатейшая клумба – розы, астры, петунии, выюнки, еще что-то – я в ботанике не разбираюсь.

Баба Дуся тоже тот еще садовник, клумбу она создает по принципу «что вырастет, то вырастет»: по весне щедро посыпает ее разными семенами, без счету и всякой системы закапывает в землю ростки, луковицы и саженцы, а потом дает волю матушке-природе. Она даже не заходит в эти свои джунгли, только время от времени, если становится уж очень жарко, поливает их из шланга прямо с крыльца.

Как ни странно, эта пофигистическая садоводческая тактика себя оправдывает: уже к середине лета на клумбе разливается буйное цветочное море. Хлипкая ограда сдержать его не может, и сквозь широкие щели оно выплескивается и на мой участок.

Мне это только в радость: сама я копать в земле не люблю, а вот смотреть на цветы обожаю. И нюхать их... Петунии, кстати, ближе к вечеру пахнут одуряюще, просто голова кругом!

Предвкушая, как сейчас буду сибаритствовать, я дернула откидную дверцу старого серванта, заменяющего мне бар, и снова огорчилась, обнаружив, что мои винные погреба оскудели. Водка, виски и коньяк у меня еще были, а превосходный массандровский портвейн почти закончился.

Э-эх... С сорокаградусных напитков не начинают день даже аристократы и дегенераты, это удел алкоголиков, причем уже не анонимных, а я ведь не такая.

– Что ж, начну день с променада, – решила я и стала собираться для светского выхода – в магазин. День обещал быть солнечным, но ветреным – в окно я видела, что осинки за забором трясутся и флюгер в виде покривившегося жестяного петуха на крыше соседского дома скрипит и подергивается, не в силах определиться с направлением.

Ветер я не люблю: он лохматит и приводит в безобразное состояние мою и без того не слишком аккуратную шевелюру. Развевающиеся волосы – это только в женских романах красиво, а в моем случае это означает появление на голове гибрида панковского ирокеза и гигантского одуванчика.

Волосы у меня очень светлые, почти белые, и легкие, как пух. Сами по себе, без тонны парикмахерских средств, они не лежат как надо, а собрать их в крепкий хвост невозможно – короткие пряди все равно выбиваются, в ветреную погоду лезут в глаза и хлещут по лицу. Поэтому я дополнила свой скромный наряд – белая футболка, джинсы и кроссовки – очаровательной итальянской косынкой из почти прозрачной ткани.

Конечно, этот стильный и элегантный аксессуар, который любили и Жаклин Кеннеди, и Одри Хепберн, и Брижит Бардо, и даже королева Елизавета Вторая, гораздо лучше смотрелся бы с женственным платьем. И у меня имелось несколько подходящих – шелковых, хлопковых и штапельных, белых, бежевых и в мелкий цветочек, но среди моих соседок, увы, не значатся ни мадам Кеннеди, ни Одри, ни Брижит, ни тем более королева Англии. Страшно далеки они от народа деревни Пеструхино...

А отечественные деревенские дамы мелкий цветочек одобряют лишь как расцветку постельного белья, а все оттенки бежевого воспринимают как результат некачественной стирки. Что до собственного белого, то в нем и в полупрозрачной серебристой косыночке я вызвала бы слишком много предположений и вопросов.

Проверено: я как-то выплыла на прогулку в белом хлопке с кружевами и той самой итальянской косыночке, так тетка Вера первая выскочила из-за забора, как Петрушка в кукольном театре, с радостным криком: «Ляська, да ты никак наконец к алтарю собралась?!» Будоражить общественность мне не хотелось.

Хотелось быстро смотаться в магазин, купить бутылочку хорошего крымского вина, не уважаемого деревенскими за дороговизну и потому застаивающегося на полках мне на радость, а потом реализовать свой скромный план А с бокалом, качалкой и цветочками. Сунув в карман кошелек, я заперла дверь и отправилась в магазин.

Наивная! Общественность я будоражить не хотела! Ха! Деревенская общественность уже была взбудоражена, я только не сразу поняла, чем именно.

Просвещать меня никто не спешил – подругами среди местных дам я еще не обзавелась, при встречах на улице или в том же магазине ограничивалась вежливым приветствием.

Обычно девки, тетки и бабки со мной тоже здоровались или хотя бы кивали, не удоставивая меня какого-то особого внимания и не отвлекаясь от своих текущих дел и забот – развешивания на просушку свежевystиранного белья, прополки огородика, выпаса коз, кур или внуков, болтовни через забор с соседкой и так далее.

Но не сегодня! На сей раз при моем появлении болтающие соседки замолкали и провожали меня долгими взглядами, а затем начинали куда более оживленно шептаться. Тетка с бельем, засмотревшись на меня, уронила в лопухи мокрый пододеяльник. А бабушка, охаживавшая хворостинной козу, бросила инструмент воспитания, подобрала юбки и умелась в дом, покинув озадаченную этим скотину на произвол судьбы. Даже та самая коза уставилась на меня с откровенным недоумением. Неужто это моя итальянская косыночка такой сокрушительный эффект производит?

Озираясь и пожимая плечами, я дошла до магазина: там недоразумение могло проясниться. Деревенский магазин – это же как почта, арсенал и телеграф в одном флаконе. Захватываешь его – и весь мир твой. Хотя для захвата обычно приходится постоять в очереди: в Пеструхине всего два магазина, и этот более популярный, хотя и менее удобный.

Вторая торговая точка расположена у дороги на райцентр и представляет из себя мини-маркет со стеклянными стенами, а тут у нас классический купеческий лабаз в миниатюре: массивные стены, дверь с перекладиной на пудовом навесном замке и одно небольшое окно, то и дело наполовину закрытое фанеркой с рукописным текстом «Прием товара» или «Отошла на 5 минут». На каждой стороне фанерки по объявлению, очень удобно.

Но вторая надпись – стопроцентный обман, за пять минут от магазина в режиме «туда и обратно» сходить просто некуда, он гордо высится на пустыре. Пустырь, судя по нарядной табличке на длинноногом столбике, важно называется «Ярмарочная площадь», но лично я там никаких торгово-увеселительных мероприятий никогда не наблюдала. Может, они случались прежде, до карантина, не знаю, я тогда в Пеструхине не жила, лишь изредка в гости к родственникам наезжала.

Домик в деревне я купила вскоре после карантина, который с большим трудом и ущербом для нервной системы – и своей, и кота – кое-как пережила в городской «однушке» без балкона.

Шура, бедный мой Шуруппак, был настолько сильно травмирован необходимостью постоянно и неотлучно пребывать в одном ограниченном пространстве со мной, любимой, что начал линять, как весенняя белка. Я замучилась собирать по дому клочья рыжей шерсти, смотреть в тоскливые зеленые глаза и выдумывать изыски, которыми можно разнообразить коша-

чье меню и взбодрить несчастное животное. Как только карантин закончился, мы с Шурой рванули в деревню к тетке Вере, а уж она надоумила нас купить домишко по соседству.

– Не барские хоромы, конечно, – агитируя меня на переезд, с достоинством отмечала родственница, – но всяко попросторнее твоей городской конуры. И садик есть, и огородик, и мы с Митяем рядом будем, чем сможем – подсобим завсегда, чай, не чужие люди, а родная кровушка...

Домишко продавался срочно, цену за него просили невеликую, моих сбережений как раз хватало. Я решила, что это знак, и стала домовладелицей. Правильное ли это было решение – не знаю, время покажет. Но Шуруппаку деревенская жизнь понравилась. Линять он перестал, наоборот, замеховел и потолстел.

И то сказать, не потолстеть на деревенских харчах сложно... С этой тревожной мыслью я ущипнула себя за бочок – не отложились ли на нем уже утренние теткинны пироги? – и решила, что ничего, кроме бутылочки вина, покупать не буду.

Морщась от того, что слегка перестаралась со щипком, я вошла в магазин и встала в очередь. Три тетки, образующие ее, тут же оглянулись и через плечо уставились на меня. Они потаращились, вразнобой покивав на мое вежливое «доброе утро!», а потом скучковались, нарушив четкое линейное построение, и зашушукались. Да в чем дело-то? Что сегодня с бабами такое?

На всякий случай я внимательно посмотрела на свое отражение в витрине с колбасными изделиями. Свет мой зеркальце из нее получилось так себе, мутное, но вроде бы выглядела я нормально. Не милее всех на свете, не белее и не румянее, но и не дурнее толстой бабы в калошах на босу ногу, мужской футболке и линялых велосипедках, вставшей в очередь за мной.

При этом на бабу в калошах никто и внимания не обратил! А на меня продолжали посматривать, перемежая взгляды конспиративным шушуканьем.

Терзаясь смутными сомнениями и испытывая нарастающий дискомфорт, я кое-как дождалась, пока все впереди стоящие и назад оглядывающиеся отоварятся. Увы, из магазина они не вышли, а рассредоточились по помещению, продолжая бросать на меня любопытные взгляды.

– Ну, что?! – не выдержав, сердито выдохнула я в мясистое лицо продавщицы Любани, уставившейся на меня во все глаза.

– Это я должна спросить – что? – густым голосом прогулочного теплохода пробасила Любаня – женщина большая и крепкая, в одном лице и продавец, и грузчик, и, если надо, вышибала.

– В смысле?

– Брать что будешь?

– Вон тот портвейн. – Я указала на полку со спиртным в тылу Любани, целясь в бутылку, щедро усыпанную нарисованными медальками.

Бабы, рассредоточившиеся было по магазину, сползли в кучку, как примагниченные, завздохали и заахали.

– Пить будешь? – со стуком переставив затребованную бутылку на прилавок, прямо спросила Любаня.

– Буду, – не стала закипать я.

– С горя или с радости? – Любаня неожиданно мне подмигнула.

Бабы придвинулись ближе.

– В смысле?

Продавщица неожиданно смутилась:

– Ну, мож тебе понравилось...

– Что? – Я ничего не понимала.

- Ну это ваше... бац-бац, трах-бах...
- Да что ж ты, Любка, такое городишь, а?! – возмутилась вдруг толстуха за моей спиной. – Какой же бабе понравится, когда ее сильничают?!
- Чего?! – Я обернулась к непрошеной защитнице.
- Ну, без согласия это самое... бац-бац, трах-тарарах, – сочувственно сказала толстуха. – Я тебя, девка, понимаю. У меня первый муж был такой, никогда и не спросит, сразу юбку задрать и на кровать валить. Уж как я рада была, когда он помер, кобель похотливый!
- Зрительницы-слушательницы разом перекрестились и укоризненно зацокали.
- Знаю, нельзя так говорить, а только правда это: радовалась я смертушке евойной, сама бы гада прибила! – Толстуха не затруднилась выдать новое шокирующее откровение.
- Так и она, говорят, его чуть не прибила! – кивнула на меня Любана. – Дрыном по кумполу долбанула, как мама не горюй!
- Шваброй, – машинально поправила я, уяснив наконец, какой-то сюжет мы обсуждаем.
- Что, правда?! – Любана грудью страстно налегла на прилавок. Тот затрещал.
- Про швабру – правда, – подтвердила я, доставая из кошелька купюры, чтобы расплатиться за вино: пластиковые карточки в магазине-лабазе не принимали. – А про бац-бац в смысле трах-тарарах – вранье, чья-то выдумка. Не было у нас с ним ничего такого!
- Поня-а-а-атно. – Любана неловко – не отрывая от меня восторженного взгляда – отсчитала сдачу и сунула прямо в руки бутылку. – Но ты выпей, выпей... Хуже не будет...
- Спасибо, – поблагодарила я разом и за обслуживание, и за совет, и за трогательное внимание к моей личной жизни.
- Бабы расступились, я вышла из магазина и, вся кипя, пошла прочь, нервно размахивая бутылкой.
- Ай да Митяй! Ай да братец, по совместительству участковый! Это же он, не иначе, на радостях от успешного задержания сболтнул кому-то про бац-бац, и противную сплетню теперь уже не остановить – она будет ходить по деревне годами, обрастая подробностями и превращаясь в эпический сказ «Про бац-бац в Пеструхине, или Как Ляська охальника беглого дрыном по кумполу долбанула»!
- Все, я уже без пяти минут героиня местного фольклора. Надо же, а? Иные люди за всю жизнь ни одного упоминания в летописях не удостоиваются, а я в Пеструхине всего два месяца прожила – и нате вам!
- Вот с-спас-с-сибо тебе, Митяй! – рассерженной змеей шипела я, на ходу репетируя грядущий разговор с народным сказителем-участковым. – Ш-ш-штоб я без тебя делала, а? Прозябала бы в неизвес-с-с-тности!
- Сердито бормоча себе под нос, я даже не заметила рычания автомобильного мотора за спиной, отреагировала только на сигнал клаксона.
- Я шустро отскочила, в прыжке обернулась и увидела синюю «девятку» участкового. О, на ловца и зверь!
- Митяй головой и одним локтем высунулся в окошко и, увидев, что я его наконец заметила, вздохнул с прискорбием:
- Ляська, ты вроде еще не бабка, а уже глухая!
- Бутылка в моей руке сама собой перевернулась, укладываясь в ладонь горлышком вниз – очень удобно для ближнего боя.
- Ты че, э, ты че? – заволновался Митяй, совершенно правильно оценив мои манипуляции с бутылкой.
- Он даже дернулся, включил заднюю скорость и отодвинулся от меня вместе со своей колымагой на безопасное расстояние.

Я прищурилась и взвесила бутылку в руке, прикидывая, доброшу или не доброшу? В школе по физкультуре у нас был такой зачет – метание гранаты. Помнится, я его сдала, хоть и с третьей попытки. Мало я вина взяла. Надо было не одну бутылку, а три...

– Тьфу ты, психическая! – выругался Митяй и откатился еще метров на двадцать.

Я мягким тигриным шагом пошла к нему – с бутылкой в замахе и самым зверским выражением лица.

– Алиса Юрьевна, вы в уме ли?! – Участковый (вот не брат он мне более, не брат!) вывалился в распахнутую дверцу, по продавленной колее отважно покотился мне навстречу на своих двоих, широко раскинув руки, чтобы прикрыть своего четырехколесного друга, и рокоча, точно шар в боулинге. – Вы на кого бутылку поднимаете? На представителя службы охраны правопорядка! На сотрудника полиции! При исполнении, между прочим!

– Все, ты доисполнялся уже! – рявкнула я в макушку подкатившего представителя и сотрудника – Митяй ниже меня сантиметров на пятнадцать.

Белые пушистые – фамильные! – волосики на голове не-брата-мне-более нервно взвихрились.

– Лясь, ты че, а? – Участковый снизу вверх выкатил на меня голубые глаза.

Я вздохнула.

Строить жалобные глазки Митяй научился еще в детстве, когда был тощим белобрысым шпеньдиком, в которого плюнь – и зашибешь. Глазки у него дивные – лазоревые, лаковые, как садовые незабудки, девке бы такие, вот хотя бы мне, к примеру. Во взрослой жизни, я так понимаю, у Митяя мало поводов показать кому-то красоту своих глазок, а ведь это по-прежнему сокрушительное оружие.

Я опустила бутылку.

– Митя, ты в курсе, что вся деревня обсуждает утренний визит твоего беглого в мой мирный дом?

– И че? – Участковый ловко вывернул из моей руки бутылку и одобрительно присвистнул, глянув на медальки. – Деревня все обсуждает. Манька Сулова вон белугой рыдает, у ней корова разродиться не может, а Пальваныч, зоотехник, как раз в запой ушел. Вся деревня обсуждает их – и Маньку, и Пальваныча, и даже корову. С кем она, дура, гуляла, что разродиться не может?

– А какие варианты? – озадачилась я.

– Ну, к нам в прошлом году передвижной цирк приезжал, там бегемот был и жираф.

Тут до меня дошло, чем мы сейчас занимаемся: вносим посильный вклад в устное народное творчество – рожаем сказ «Как Манькина корова-дура с бегемотом гуляла». Или с жирафом, тоже интересная история получилась бы.

– Болтаете вы тут много и все не по делу, – сказала я сердито.

– А ты записывай, записывай, потом книжку сказок издашь, – посоветовал Митяй, залезая в свою машину.

С моей бутылкой, между прочим! Я, разумеется, тоже полезла в салон – за Митяем и за бутылкой.

– Ты домой? – миролюбиво спросил участковый, переключая передачу.

– Угу. – Я повозилась, устраиваясь поудобнее.

То ли сиденье в допотопной «девятке» продавленное, то ли у меня целлюлит уже такой выдающийся... А, нет! Это же я сунула в задний карман вещицу, найденную при повторном мытье полов.

– Не твое? – Я показала находку Митяю.

– А че это? – Он цапнул вещицу, продолжая рулить одной рукой.

– Не знаю, какое-то деревянное зодчество. В углу валялось, я подобрала. Забирай, мне чужого не надо.

– Думаешь, это мое? – Митяй повертел шутовинку перед глазами и насмешливо закричал. – Какое интересное у тебя, Ляська, представление о табельном снаряжении участкового! Хорош бы я был с таким свистком!

– А это свисток? – Я отобрала у него вещицу и рассмотрела внимательно.

Деревянная, резная, гладкая и блестящая от слишком толстого слоя лака – то ли птичка, то ли какая-то другая живность, до неузнаваемости изувеченная буйной творческой фантазией автора. Посмотришь – и поверишь, что коровы могут спариваться с жирафами и рожать от них неведомых зверушек: гибридных корово-жирафов – корарфов. Или жиров. А также бегеров и коромотов, но это уже как результат адюльтеров с бегемотами, которых также называют гиппопотами, а значит, их с коровами дети могут быть и гиппоровами, и коротами... Тьфу, опять я болтаю безудержно – значит, не успокоилась еще.

– Свистулька это, – уверенно сказал Митяй.

Он деревенский, всякого тут навидался и наслушался. Его даже гиппоровами с коромотами не удивишь.

– Лясь, да ты дунь в нее.

– С ума сошел? Она же на полу валялась.

– В бардачке антисептик.

Я покосилась на Митяя – надо же, антисептик у него! Я до сих пор не встречала в Пеструхине сторонников дезинфекции и масочного режима! – и открыла бардачок.

Там в самом деле лежали полуведерный флакон геля, пачка антибактериальных салфеток и одинокая одноразовая маска – помятая, пыльная, заношенная и даже, кажется, застиранная. Может быть, и заштопанная, я не приглядывалась.

Обрабатывать деревянную штучку едким гелем я не стала – она же лаковая, еще облезет, – но тщательно протерла то ли жирафью шейку, то ли коровью ножку – короче, что-то торчащее – влажной салфеткой.

– Дуй, – велел Митяй, поглядывая на меня с детским интересом.

Я дунула.

– Больше не дуй, – попросил он, страдальчески морщась. – Ну и звук! Как ножом по стеклу и серпом по... хм... самому дорогому одним разом!

– Не музыкальный инструмент, – согласилась я. – Говоришь, не твой?

– Ясно дело, не мой. Это же детская игрушка.

– Это?! – ужаснулась я.

Боже, бедные те дети, у которых такие игрушки!

Это же акустическое оружие, напрочь разрушающее нервную систему! Да под такие звуки просто невозможно вырасти нормальным человеком!

– Старинная народная игрушка, – подтвердил Митяй.

Я фыркнула. Теперь понятно, откуда у наших деревенских такие странные фантазии – то про коров с жирафами, то про бац-бац с трах-тарарахом. Мало что так искажает картину мира, как такая психотропная свистулька в качестве камертона. Да-а-а, кому это норма с детства, тот навеки потерян для прогрессивного человечества...

– В твоём доме раньше мамка с малым жила, небось его игрушка, – сказал Митяй, уско-ряясь, и уже через минуту затормозил у моей калитки.

Он честно вернул мне бутылку:

– Приехали. Топай, Ляська, к себе. Да смотри: напьешься – не буянь, у нас деревня мирная!

– Тишь, гладь, божья благодать! – съязвила я, вылезла из машины и пошла к себе, вооруженная и очень опасная – в одной руке бутылка, в другой психотропная свистулька.

Пополню ею свою оружейную, не одной же боевой швабре там храниться.

В общем, устроиться на веранде с бокалом вина у меня получилось уже не утром, а в обеденный час. И именно этим, а вовсе не количеством выпитого, объясняется тот факт, что я крепко и сладко задремала в качалке.

Тихий час – привычка, которую у меня выработали еще добросовестные воспитатели в детском саду. Потом долгие годы без возможности прикорнуть после обеда я если не страдала, то ощущала заметный дискомфорт. И вот фриланс с карантином – два в одном – вернули мне эту тихую радость. Не было, как говорится, счастья, да несчастье помогло.

Сидя на веранде с подветренной стороны, я не мерзла, наоборот – меня согревало ласковое августовское солнышко. Золотые лучики крепко заплели мои ресницы, птичье пение сложилось в прелестную колыбельную песенку, на коленях у меня теплой меховой накидкой разлегся кот – спи – не хочу!

Я и спала, пока меня не разбудил скрипучий голос:

– Ля-а-ася! Ля-а-ася!

– А? – Я проснулась, подскочила, дернулась куда-то бежать и, разумеется, споткнулась.

Вот правильно говорит тетка Вера: нельзя бросать что попало где придется! А я то швабру на пороге оставляю, то пустой бокал под ногами. Ему не повезло – от моего пинка он усвистел аж в соседскую клумбу. Надеюсь, не разбился, характерного звука не послышалось, все же он на мягкое упал – в густую зелень и цветочки. Надо будет залезть в эти зелены и поискать там, это же был мой любимый бокал, пузатенький, с золотой каемочкой...

– Ля-а-аась!

Я с сожалением отказалась от мысли отправиться с поисковой экспедицией в цветочные джунгли сейчас же: это следовало сделать втайне от бабы Дуся, которая никому, даже родному внуку Семену, не дает свою клумбу на поругание.

А прямо сейчас она торчала в своем окошке, как тетя Валя из «Спокойной ночи, малыши!» на голубом экране – большое сходство с популярной когда-то телеведущей ей придавали пышная седая шевелюра, широкая добрая улыбка и песик Бусик – один-в-один клон поросенка Хрюши.

Этот помесь чихуахуа и мопса, но от чистокровного свиненка неотличим ни на вид, ни на звук: он даже хрюкает! Такая у него странная одышка. А с тех пор, как заботливая хозяйка в борьбе в клещах искупала Бусика в растворе марганцовки, у него и цвет самый что ни на есть пороссячий – нежно-розовый. В сочетании с широко развернутыми свинячьими ушками – вылитый Хрюша!

– Ну Ля-а-ася!

– Здравсте, баб Дуся! Бусик, привет! – Я помахала в «телевизор» за штaketником, но отделаться одним вежливым приветствием не получилось.

Баба Дуся настойчиво звала меня не для того, чтобы получить одно только «здравсте», ей хотелось полноценной беседы. И то сказать – нет большей роскоши, чем человеческое общение. А с кем старушке общаться? Из человеческих особей рядом с ней только внук Семен, а он не слишком разговорчив.

Это, кстати, одна из причин, почему я отказываюсь рассматривать Семена Бурякова как кандидата в мои женихи. Куда мне в мужья молчуна? Я же язык сотру, если придется болтать за двоих.

Хотя Семен мне, если честно, вообще не нравится. Какой-то мрачный он, угрюмый. И бородатый! Молчит и зыркает исподлобья – ну, чисто Герасим, задумавший недоброе в отношении Му-Му. На месте Бусика я бы, к слову, беспокоилась...

Я подошла поближе, оперлась на разделительный штaketник и приготовилась к долгому разговору. Баба Дуся глуховата, в беседе с ней реплики часто приходится повторять, и это затягивает диалог.

– Ляся, что за шум у тебя был сегодня? – спросила старуха.

Надо же! Тугоухая бабушка расслышала шум, это как же я грохотала своей боевой шваброй?!

– Когда, утром? – Я попыталась затянуть с ответом, соображая, что говорить, а что не стоит.

С одной стороны, как только баба Дуся пообщается с кем-то из деревенских, ее просветят относительно моих утренних приключений, причем изложат гадкую фантазийную версию с бац-бац и так далее. Пожалуй, лучше я сама расскажу, как было на самом деле.

С другой стороны, надо ли нервировать старенькую бабушку сообщением про незваного гостя – какого-то беглого каторжника? Наверное, это ни к чему...

Готовясь соврать, я отвела глаза от «голубого экрана» и увидела в соседнем окне Семена: он мотал головой, выразительно приложив палец к губам. Значит, тоже считает, что мне не стоит рассказывать его бабушке о событиях сегодняшнего бурного утра.

– Это я полы мыла! И ведро со шваброй на пороге бросила так, что не запнуться не вышло! – громко сказала я, практически не соврав.

Всего лишь умолчала, кто именно пал в итоге: не я, а гостюшка незваный, боевой шваброй щедро пристукнутый.

– А приходил к тебе кто? – не удовольствовалась моим ответом любопытная бабуса.

– Митяй Пеструхин, брат мой! – И снова правда, только правда.

Дальше откровенно врать не пришлось, баба Дуся не стала спрашивать о цели визита ко мне Митяя, переключившись на другую интересную тему:

– Он как, жениться еще не собрался?

– Вроде нет...

Я покосилась на Семена в соседнем окне. Тот скривился. Все правильно, Семен и Митяй почти ровесники и пацанами дружили, а теперь оба неприлично долго холостякуют. Для бабы Дуси это большая тема, она спит и видит, как бы женить Семена хоть на ком-то. Ее, если верить тетке Вере, даже моя кандидатура устроит – на безрыбье, как говорится... Вот, кстати, надо мне от бабы Дуси линять, пока она режим свахи не включила.

– Да ты заходи к нам, Ляшенька, чаю все вместе попьем, Семен мой запеканку сделал такую вкусную, пальчики оближешь! – тут же оправдала мои опасения соседка. – Золотые руки у парня, все может: и по хозяйству, и в доме, повезет его жене!

Ну, вот, началось!

– Я не могу сейчас, баб Дуся! У меня там...

Я потыкала большим пальцем назад, за плечо, спешно соображая, что у меня там какой-то такой важный процесс, требующий моего неотлучного присутствия?

О, придумала:

– ...варенье варится, вот что! Надо следить и помешивать, помешивать!

Для наглядности и убедительности широким круговым движением показывая, как именно надо помешивать варенье, я задним ходом шустро отступила от штакетника, только у своего крыльца развернулась и быстро шмыгнула в дом.

Фу-у-ух...

В сенях я шумно выдохнула и сказала Шуруппаку, выглянувшему из кухни:

– Теперь придется имитировать варку варенья! Вот не было заботы...

– А какое варенье, Лясь? – донеслось от соседей.

Какое, какое... Воображаемое!

Досадуя на приставучую бабушку, я прошла в кухню и наскоро провела ревизию своих припасов. Из даров природы у меня в достаточном количестве имелись только картошка, морковь, капуста и лук – все с огорода тетки Веры, экологически чистое, вкусное, но для изготовления варенья непригодное.

У бабы Дуси слух плохой, а нюх замечательный, она же теперь вся в ожидании характерных ароматов, сидит и носом шевелит любознательно...

Закипятить, что ли, остатки ликерного вина? Запах будет сильный и приятный, не фруктовый, конечно, но я могу сказать, что это такое экспериментальное варенье – виноградное.

Хотя откуда у меня тут виноград? Скажу – из города привезла. Но бабка же захочет попробовать экспериментальное виноградное варенье... А я скажу – опытную партию варила, очень маленькую, сама все сразу и съела, так вкусно вышло!

Я поболтала вино в бутылке, посмотрела через стекло на просвет: меньше половины выпила, еще на пару посиделок в качалке хватит... «Черный доктор», лучший крымский портвейн...

Переводить роскошный напиток было жалко, но и откровенно обманывать старушку-соседку не хотелось. С этими непристойными деревенскими сказками у меня и без того теперь дурная репутация, к чему ее еще ухудшать...

Пока я размышляла, в оконное стекло кто-то тихо побарабанил. Опять незваный гость?! Я поставила бутылку и поискала глазами швабру. Хоть ходи с ней постоянно, как профессиональный ратник с верным мечом! Соорудить, что ли, себе специальные ножны для этой швабры? С креплением на спине, как у Леголаса, он так свой верный эльфийский лук носит, и, видно, удобно ему...

– Эй, соседка!

Я узнала голос Семена Бурякова и выглянула в окошко, как была – невооруженной. В самом деле, Семен стоит, а в руках – большая эмалированная миска с яблоками.

– На, держи! Это на варенье! – Сосед поднял свою ношу, передал ее мне через окно, подмигнул и ушел за угол.

А он сообразительный, этот Семен Буряков! Вишь, смекнул, что к чему, и поддержал мою версию про варенье!

Приятно удивленная – думала, что Семен угрюмый тупица, – я поставила миску с яблоками на стол и прошла по комнатам, через окна отслеживая уход соседа.

Сообразительный Семен проложил маршрут таким образом, чтобы баба Дуся из окна своей комнаты не увидела его: и пришел, и ушел огородами. Наши участки – мой и Буряковых – в тылу смыкаются, и там между ними вообще никакой ограды, даже дырявого штакетника не имеется.

Может, надо поставить по всему периметру нормальный забор? Оградить, так сказать, свою частную собственность от разного рода вторжений? Может, и надо, но неохота возиться, да и денег жалко. И потом, если я поставлю глухой забор, то лишусь роскошного вида на соседские цветочки.

Размышляя таким образом, я помыла и порезала дары Семена, засыпала их сахаром и поставила вариться. Увлечлась и все-таки плеснула в кастрюлю с яблоками немного портвейна – пусть будет эксперимент!

Яблоки с портвейном пахли восхитительно! Я пошире открыла окно и даже распахнула двери, чтобы дивный аромат, реабилитирующий меня как женщину честную хотя бы в глазах одной соседки, непременно дошел до бабы Дуси, и села в кухне читать книжку, периодически вставая, чтобы помешать душистое варево в кастрюле.

Благодать!

Телефон зазвонил уже в сумерках.

– Митяй! – обрадовалась я. – Ты очень вовремя!

Я как раз сообразила, что у меня нет никаких банок для варенья, и собиралась звонить брату, узнавать через него, не поделится ли со мной стеклотарой домовитая и запасливая тетка Вера. У нее своего мобильного нет, приходится в таких случаях коммуницировать через Митяя.

- Я вовремя? Нам, полицейским, редко кто такое говорит! – порадовался он.
- Мить, спроси у тетя Веры, у нее есть лишние банки...
- Да погоди ты с банками, заводами и пароходами, – даже не дослушав, отмахнулся от меня Митяй. – Я тебе по делу звоню, как официальное лицо. Ты заявление подавать собираешься?
- Какое заявление? – Мне вспомнились матримониальные планы бабы Дуси и тетки Веры. – В ЗАГС?
- Чур меня! – испугался Митяй. – Да и тебя тоже, что там хорошего, в том ЗАГСе... Я про нашу утреннюю историю. Будешь заявлять на того мужика?
- А, на беглого?
- Гм. – Митяй смущенно кашлянул. – Он, как оказалось, не беглый был, а только что освободившийся. Но теперь, похоже, назад за решетку отправится.
- За что?
- Ну, привет! Он к тебе в дом вломился, холодным оружием угрожал – я нож-то нашел, подобрал, все, как надо, оформил. Но без твоего заявления не обойтись, ты же понимаешь!
- Э-э-э, видишь ли, Митя...
- Я задумалась.
- Ну? Не вижу, не слышу, говори уже! – поторопил меня участковый.
- Я, знаешь, не уверена уже, что он хотел на меня напасть, – призналась я.
- Он с ножом к тебе влез!
- Он вообще-то не влез, а просто вошел, дверь открыта была. Нож – да, держал... Но, может, он им розу срезал. Я, когда полы мыла, под стулом розу нашла, решила, что она из вазы выпала, а теперь думаю – нет, не было у меня в вазе никакой розы, я вчера хризантему на стол поставила, – зачастила я, волнуясь.
- Стоп машина! – осадил меня участковый. – Я не понял, этот хмырь к тебе с цветами явился?! Знакомый, что ли, твой? Поклонник, может?
- Вот тут не отвечу, знакомый или нет, я его, если честно, вообще не рассмотрела, – призналась я. – Запомнила только жуткие чоботы, их я точно в первый раз видела, дай бог, чтоб и в последний...
- Чоботы не показатель, мужик только-только откинулся, ему там модное шмотье на выход никто не припас, – рассудил Митяй. – А рожу, значит, ты не разглядела? Фамилия Соколов тебе часом ничего не говорит?
- Много чего говорит, у меня в телефонной книжке разных Соколовых человек пять, не меньше. Этого как зовут?
- Андрей Петрович.
- Точно Андрей, не Максим? Максим Соколов – директор выставочного центра «Плеяды».
- Точно Андрей, не Максим, – Митяй посопел в трубку. – То есть, я так понимаю, заявление ты писать не будешь?
- Не буду, – подтвердила я.
- Ну и ладно, мне же меньше работы. – Он не стал меня уговаривать. – Так, а с банком что?
- С каким банком?
- Ты хотела у мамани что-то спросить...
- Да не про банк! Про банки! Стекланные такие, лучше всего литровые, штуки три. Мне для варенья надо.
- А ты умеешь делать варенье? – обидно удивился братец и заорал: – Мать, Ляське банки для варенья нужны, у тебя есть? – И после паузы сказал мне уже нормальным голосом: – Она говорит – есть, прибегай, заодно поужинаешь с нами.

– А что...

– Котлеты с пюре.

– Уже бегу!

Я отключилась, сунула мобильник в карман и заметалась по кухне, соображая, какой взять гостинец, чтобы не идти на котлеты и за банками с пустыми руками. В холодильнике был французский сыр с плесенью и гусиный паштет с трюфелями, но эти изыски тетка Вера и Митяй не оценят.

А, вспомнила, в баре есть коробочка шоколадных конфет! С ней я и отправилась на званый ужин к родне.

– А Митяй?

Я заметила, что за столом нет главного едока, и заподозрила, что в его отсутствие тетка Вера попытается возложить миссию по истреблению наготовленного на меня. А на столе, как водится в этом семействе, пустого места не было.

– Убег, – развела руками хлебосольная хозяйка. – Ему Семка Буряков позвонил. Что-то срочное, Митяй мне не сказал. Надеюсь, бабка Семкина не преставилась.

– Баба Дуся-то? Живее всех живых, – успокоила я ее.

– А псина ейная? Старуха же носится с ней, как с писаной торбой. Небось, если псина околеет, трагедия будет.

– С Бусиком тоже все в порядке, я совсем недавно видела обеих... Все, хватит, куда мне, тетя Вера, я столько не съем! – Я не позволила тетке похоронить свою тарелку под могучим курганом картофельного пюре.

– Ешь! – Тетка ловко облицевала курган тремя котлетами – здоровыми, с ладонь. – Худая, как жираф, смотреть тошно.

– А некоторым жирафы очень нравятся, – пробурчала я, имея в виду главным образом чью-то там легендарную корову.

Сама-то я от этих африканских длинношеих не в восторге. Мне симпатичны приятные на вид и на ощупь упитанные меховые животные вроде моего кота – достаточно компактные, чтобы их удобно было тискать.

– Ешь, ешь! – Тетка Вера подперла голову кулаком и уставилась на меня, часто моргая. – Котлеты по мамкиному рецепту, Юрка, папаня твой, их так люби-и-ил...

– Вот только реветь не надо, ладно? – попросила я, добросовестно расправляясь с котлетой. – Я тоже по папе скучаю, но не реву же.

– Так тебе-то уже муж нужен, а не папа, а я баба старая, вдовая, мне без родного братика, без плеча его крепкого, надежного, горе горькое, – запричитала тетка, смахнув невидимую слезинку.

– Вы опять сериал какой-то душераздирающий по телику смотрели? – догадалась я.

– Ну! А че? – тут же ошетибилась тетка. Она знает, что я телесериалы, особенно отечественные, не уважаю. – «Родную кровинку» смотрела, там как раз Вася бросил Тасю, а она вторым беременная, и что ей делать теперь – непонятно, одна надежда на Федю, но он же на севере!

– А все остальные где? В Индии? – поинтересовалась я.

Пусть лучше тетка Вера сериал мне пересказывает, чем растравляет нашу с ней общую грусть-тоску по моему папе, ее младшему брату.

– Почему в Индии? В Среднем Новгороде, – опешила благодарная телезрительница.

– Нет у нас в стране такого города. – Я принялась за вторую котлету. – Есть просто Новгород и Нижний, никакого Среднего.

– В кино все может быть.

– Вот! Вы сами сказали – в кино! – Я назидательно подняла вилку, и тетка тут же проворно нанизала на нее соленый огурчик. – Спасибо... Не надо путать сериальное с реальным и переживать по поводу того, что происходит в телевизоре.

– Ну, как скажешь, – подозрительно легко согласилась тетка. – Тогда давай про то, что в реальности. Митяй сказал, тебе банки нужны, а из чего же ты варенье варила?

Оп-па... Я едва не подавилась. Право, лучше бы мы сериальных Тасю с Васей и Федей обсуждали!

Но от тетки Веры разве что утаишь? Лучше честно признаться:

– Мне соседи яблок дали.

– Кто, бабка? Или Семка? – Тетка Вера била в цель без промаху.

– Семен, – неохотно призналась я.

– О-о-о! – возликовала тетка. – Че-то слаживается у вас, да? Семка так просто баранкой гнутой не поделится, он с малолетства жадный, как Кощей. Или яблоки те червивые, гнилые, паданки?

– Нет, отличные яблоки.

– О-о-о! Тогда точно, Семка обхаживать тебя начал. – Тетка Вера прямо вся расцвела, раздурманилась, засветилась. – Ну, бог даст и сойдется, то-то радость всем будет...

Кому – всем? Я как-то не испытывала радости при мысли о том, чтобы сойтись с Семёном.

– Все, мне пора. – Я отодвинулась от стола. – Работы непочатый край, коромот не валялся...

– Хтось?!

– Нихтось! Ни коромот, ни бегераф – ни одна скотина, в общем. Мне надо было статью сегодня закончить, а я ни строчки не написала.

– Для газеты? – Тон тетки Веры стал почтительным.

Газеты она по старой памяти уважает. Они здесь, в деревне, по-прежнему нужны и важны – если не используются для чтения, то идут на растопку и подтирку. Вот, кстати, именно в деревне даже самая бестолковая газетная публикация имеет наивысшие шансы быть прочитанной! Правда, не обязательно целиком. На месте верстальщиков я бы учитывала этот нюанс и размещала материалы так, чтобы при разрезании страниц на удобные для использования в сортире бумажки текст сохранялся максимально полно...

– Для нее, – подтвердила я, не вдаваясь в объяснения. – Спасибо большое за вкусный ужин, пошла я...

– А котлетку, котлетку-то возьми! – опомнилась и засуетилась тетка. – Шурупнику-то! Небось кормишь несчастного котика одной ерундой из пакетиков...

– Эта его «ерунда» по цене как шашлык! – обиделась я.

– Что ж ты сама не ешь ее вместо шашлыка, а? На, отнеси котику. – Тетка Вера вручила мне какую-то винтажную посудину – не то судочек, не то котелок с крышкой.

Судя по весу, там не то что котику – тигрику хватило бы. В другую руку тетка сунула мне сетку с банками.

Я сердечно, но коротко поблагодарила заботливую родственницу и пошла к себе, предвкушая, как мы с Шуруппаком сейчас устроимся на веранде – я в качалке, он у меня на коленях, в животе у него котлета, у меня в руке бокал...

Бокал же, ё-моё! Надо срочно добыть его из цветочных джунглей, а то весь мой налаженный церемониал ломается напрочь.

Решено: как только соседи лягут спать, возьму фонарик и обшарю их клумбу. Ждать недолго, деревенские ложатся с курами, чуть стемнеет – и на бочок. А сумерки уже основательно сгустились, я даже не сразу разглядела темную массу у своих ворот. Ой, кто это тут у нас такой большой?

Внутренний голос с готовностью заблажил про коромотов с бегерафами, не к ночи будь помянуты, и я ощутила всплеск тоски по отсутствующей швабре. С ней как-то спокойнее гулять по сельской местности.

Наверняка тот, кто придумал, что лучшие друзья девушек – бриллианты, имел в виду горожанок. Лучшая подруга селянки – крепкая дубинка!

– Ляська, ты? Ну, наконец-то, – донеслось от чего-то большого и темного, при ближайшем рассмотрении оказавшегося знакомой мне «девяткой». – Чуть не уснул, тебя дожидаясь!

Из машины, зевая, вылез Митяй-участковый.

– А зачем дожидался? Шел бы домой, за стол, там котлеты...

– Нет, нам лучше здесь... Открывай уже. – Митяй вкатился на крыльцо и подергал дверь.

Я послушно открыла:

– Ну, заходи, гостем будешь.

– О, вкусно пахнет! – оживился Митяй.

– Это варенье. – Я прошла в кухню, зажгла свет, поставила на стул банки, на стол – котелок и заглянула под крышку. – Котлеты будешь?

– Мамкины? – Митяй потер ладони и сел за стол. – А давай!

– Ма! – возмутился Шуруппак.

– Тут на всех хватит, – успокоила я его и быстро сервировала ужин на две персоны.

Митяй и Шура ели молча, одинаково урча от удовольствия. Вот это я понимаю, правильное поведение за столом! Хотя кот, конечно, трапезничал на полу, но это не принципиально. Важно, что никто не заводил разговоров, отвлекающих от еды и мешающих пищеварению. Про ЗАГС, например, и тому подобное.

Только после чая со свежим, горячим еще вареньем Митяй откинулся на стуле, вытер руки полотенчиком, сложил их на животе и перешел к цели своего визита:

– Теперь о деле. У тебя ничего не пропало?

– Кроме веры в наше светлое будущее и победу коммунистического труда?

– Ты не хохми мне, я сейчас при исполнении, – построжал участковый. – Серьезно спрашиваю, ничего не пропало? А то ходят тут всякие...

Я вспомнила, что убежал Митяй по звонку Семена, у которого было к участковому что-то срочное, и сделала вывод:

– У Буряковых что-то пропало?

– Не что-то, – участковый вздохнул, – а очень редкая и ценная вещь. Шишак!

– Что?! Я даже слова такого не знаю. Ты уверен, что ценность называется именно так?

– А то, конечно, уверен! Семен в заявлении так и написал: шишак торопецкий.

– Я не могу себе это представить, – призналась я.

Вот хоть режьте меня, а «шишак торопецкий» звучало почти непристойно.

– Стыдно, Ляся, стыдно, – с явным удовольствием укорил меня Митяй. – Культурная вроде женщина, в городе жила, в музеи ходила... А про торопецкий шишак не знаешь! Позор тебе, что я еще могу сказать.

– Ты можешь сказать, что такое этот торопецкий шишак, – посоветовала я, начиная сердито сопеть и постукивать крышечкой по котелку.

Хорошая крышечка, звучная, увесистая, и в руке так удобно лежит! Может, не возвращать ее тетке Вере, а отнести в свою личную оружейную? Швабра мне как меч, крышка щитом будет...

– Ты этой штукой не лязгай, я не пугливый, – насупился участковый. – Гляди-ка, взяла моду утварью воевать, амазонка кухонная! Признай уже пробел в своем образовании, и я его заполню, так и быть.

– Заполняй, – разрешила я и сделала жест доброй воли – отодвинула котелок.

Митяй поерзал, устраиваясь поудобнее, размял пальцы – приготовился жестикулировать – и начал напевно:

– Шишак, Люся, это такой старинный головной убор. – Руки лектора взлетели крыльями, а пальцы зашевелились, рисуя в воздухе у лба множественные выступы.

– Мужской? – уточнила я, резонно предположив, что Митяй показывает рога.

– С ума сошла? Женский, конечно! Вот такой! – Он нарисовал пальцем крутую дугу. – Из целой кучи жемчуга.

– А-а-а, кокошник! – сообразила я.

– На кокушки, в смысле яйца, очень похоже, – согласился Митяй. – Или на шишки сосновые, только из жемчуга сделанные. Поэтому, собственно, и шишак.

– А почему, собственно, торопецкий? В спешке сделан был, торопливо?

– Ду-у-ра, – ласково протянул Митяй и потянулся постучать меня кулаком по лбу.

– Но-но. – Я снова взяла крышку и пригрозила: – Не обзывайся, а то будут тебе сейчас шишаки в ассортименте!

– Ляся, Торопец – это город такой! В Тверской области! Торопецкий шишак – это старинный головной убор тамошних девок. А Евдокия Бурякова, соседка твоя, как раз оттудова родом, и этот самый торопецкий шишак, из жемчугов сварганенный, еще ейной бабке принадлежал. Как только сохранился, ума не приложу...

– Так не сохранился же, ты говоришь, пропал он?

– Это только сейчас! Вот прям нынче, – вздохнул Митяй. – Семен говорит, вчера еще на месте был ларец, а сегодня уже нет его.

– Еще и ларец?

– Ларец – это такая большая шкатулка, размером с толстую книжку. – Митяй на пальцах показал габариты. – Шишак тот в ней и хранился. Ой, что будет, когда баба Дуся обнаружит пропажу... Не завидую я Семе.

– А в чем Семен виноват? – не поняла я. – Ты же вроде думаешь, что ларец с шишаком украл мой утренний гость, разве нет?

– Думаю, – согласился Митяй. – И Сема так думает, он и заявление уже написал... Давай пройдишь-ка по дому, погляди внимательно, не стибрил ли что-нибудь этот ухарь и у тебя тоже!

– Мить, да у меня тут всех ценностей – один ноутбук...

Но я все же встала, обошла дом, проверила, все ли на месте, и из дальней комнаты покричала успокаивающе:

– Ничего не пропало!

– Ну и слава богу. – Митяй выбрался из-за стола и прихватил опустевший котелок. – Снесу мамане, чтобы и у нее недостачи не было. Пока, Лясяка, спокойной ночи. Да дверь за мной запри и ставни уже закрой, почти ночь на дворе!

– Все закрою, не волнуйся.

Я проводила гостя на выход и уже с крыльца окликнула:

– Мить, а почему Семену плохо будет, если баба Дуся ларца своего хватится?

– Ты че орешь так?! – Митяй, грозно тараща глаза, подкатился назад, к ступенькам. – Тихо, а то услышит кто! – Но тут же смягчился и хитро прищурился: – Чего это ты о Семене беспокоишься, понравился, что ли?

– И ты туда же! – Я тяжело вздохнула. – Небось смотришь вместе с мамкой программу «Давай поженимся»? Хочешь переqualificироваться из участковых в свахи? Может, и мне включиться в этот процесс, начать подыскивать для тебя жену?

– Ляся, ты че? Я же просто спросил, а ты сразу угрожать! – Митяй помотал головой. – Вот бабы, а... Отвечаю на твой вопрос: Семену будет плохо, потому что они с бабкой давно уже из-за шишака этого сварятся. Семен продать его хочет – ну, в самом деле, вещь в хозяйстве бесполезная, а денег стоит больших. Но бабка расставаться со своим шишаком ни в какую не

хочет, бухтит: вот помру я, тогда и продашь, а до тех пор хранить его буду, наследие моих любимых предков, а то и жене твоей будущей передам, чтобы сберегала для потомков... Тьфу! Говорю же – бабы...

Митяй сердито плюнул и ушел со двора. Я спустилась с крыльца, чтобы запереть за ним калитку, машинально помахала отъехавшей «девятке» и обошла дом, закрывая ставни. Перед моим внутренним взором что-то красиво сияло и мерцало – надо полагать, запавший мне в душу жемчужный девичий убор.

Я разлила по банкам варенье, а потом не выдержала: все-таки полезла в Интернет, нашла картинки и посмотрела, какой он – шишак торопецкий. Оценила точность жестикуляции Митяя, вертевшего многочисленные рожки на лбу – короткие, толстые, установленные встык. На тех шишаках, которые я видела, таких округлых жемчужных выступов, похожих на крупные перламутровые яйца, было до полутора десятков. А увесистый он, наверное...

Тут я подумала: а может, его никто и не крал? Баба Дуся, если так дорожит своим фамильным сокровищем, вполне могла сама его перепрятать. Тем более что на дорожке шишак положил глаз жадный Сема, хочет его продать...

– А что, если бабка сама его перепрятала? От Семы? – спросила я брата-участкового, тут же ему позвонив.

Митяй, что удивительно, сразу меня понял – видно, думал о том же. Но идею не поддержал:

– Ляся, бабка в последнее время еле ползает, передвигается с палочкой, а ларец тяжелый, его только двумя руками держать можно.

– А где он хранился? – Я с сожалением подумала, что никогда не бывала в гостях у соседей, а зря, сейчас хоть представляла бы себе место действия.

– Ну где – в зале, в красном углу, под образами!

– И что, он там открытый стоял, чтобы жемчуга прямо с порога видно было? – усомнилась я.

– Слава богу, закрытый и под бархатной тряпочкой, иначе бабка уже спохватилась бы, – хмыкнул участковый. – Сема под ту тряпочку пока что Льва Толстого подсунул, «Войну и мир» – по размеру в самый раз. А ларец, Ляся, сам по себе красивущий был: черный, лаковый, на крышке картинка из блестящих кусочков ракушек, забыл, как называется...

– Перламутр?

– Он самый! Картинка затейливая: узкоглазый мужик с обвислыми усами и баба с шаром из волос на голове, оба в таких халатах, опять забыл название...

– Кимоно?

– Ага, оно! Сидят они, значит, под цветущим деревом и что-то пьют из маленьких чашечек.

– Такая сложная инкрустация?

– Ну! Я в детстве очень любил ее рассматривать, баба Дуся разрешала.

– Слушай, а много ли народу знало про это фамильное сокровище Буряковых?

– Тю-у-у... Да почитай, вся деревня! Баба Дуся из этого тайны не делала, наоборот, еще пару лет назад, пока нормально ходила, надевала свой убор и в клуб являлась по праздникам. Бабы ей завидовали – столько натурального жемчуга! А Епифанов прям пищал, скулил и хныкал, все упрашивал бабку отдать шишак в музей...

– Епифанов – это завклубом ваш?

– Наш, Ляся, наш! – Наверное, в этот момент участковый погрозил телефонной трубке пальцем. – Ты теперь тоже живешь в Пеструхине, не отделяй уже себя от нашего деревенского коллектива!

– Ладно, не буду, – пообещала я и, пожелав Митяю спокойной ночи, закончила разговор.

У меня еще было важное дело. Мне предстояло пробраться к соседям и порыться в их клумбе в поисках своего перелетного бокала.

Бокал был папин. Ну, и мамин, но ее я с бокалом не помнила, а папу – да. Это было какое-то давнее, детское еще воспоминание, полустертое и выцветшее, как старое фото, но доброе и даже немного сказочное – будто присыпанное золотой пылью.

Я, наверное, вертелась у стола, почти под ним – была еще маленькая. Стол казался мне похожим на снежный сугроб, крахмальная скатерть блестела и хрустела, я то пряталась под ней, то выбиралась наружу, в мир великанов-взрослых. А папа, помню, еще поднялся – разом вырос до небес! – и что-то басовито рокотал с высоты, смех взлетал волнами, и пузатые бокалы – красные с золотом, на прозрачных граненых ножках – сдвигались в один большой алый цветок, рассыпая хрустальный звон и разноцветные искры...

В общем, бокал был мне дорог и лишиться его я не хотела, поэтому дождалась, когда деревня Пеструхино погрузилась в сонную тишь, и отправилась возвращать свое наследство. Не всем же так везет, как бабе Дусе Буряковой с ее жемчужным убором, у некоторых фамильные сокровища имеют скромный вид, но от этого не менее ценны...

Экипировалась я для ночной вылазки просто и удобно: в темно-синий спортивный костюм и галоши. Ценители стиля могли бы раскритиковать мой выбор обуви, зато прагматики его явно одобрили бы.

Галоши легко моются и не оставляют таких выразительных следов, как кроссовки. С учетом того, что галоши мне подарила тетка Вера, прикупившая себе абсолютно такие же на базаре, где одеваются-обуваются почти все деревенские, можно не сомневаться: если что – по следам меня не вычислят.

Я, разумеется, понимала, что, тайно вторгаясь на участок соседей, совершаю противоправное действие, и вовсе не хотела, чтобы меня уличили в содеянном. Для пущей неузнаваемости я надела одноразовую медицинскую маску и резиновые перчатки, а приметные светлые волосы спрятала под капюшоном.

Кот Шуруппак посмотрел на меня, так необычно наряженную, плюхнулся на попу и как-то странно заелозил передними лапами – будто хотел поднять одну и покрутить ею у виска, но не определился, правой ему это сделать или левой.

– Тебя с собой не зову, – сказала я ему. – Вижу неодобрение, понимаю твою позицию, сама всецело за то, чтобы чтить Уголовный кодекс, но думаю, что не совершаю ничего уж очень противоправного.

Кот фыркнул.

Я с трудом удержалась, чтобы не продолжить оправдательную речь: прекрасно зная, что мой словесный понос – это нервное, усилием воли заставила себя замолчать.

Я взяла мобильник, предусмотрительно заряженный на сто процентов, чтобы в энерго-емком режиме фонарика аккумулятора хватило даже на продолжительные поиски, и вышла во двор.

Штурмовать хлипкий штакетник не стала – еще поломается – и пошла длинным путем через огороды, как давеча Семен с его яблоками. На суверенной территории Буряковых я немного потоптала какие-то грядки и в обход сарая и поленницы под жестяным навесом подобралась к вожделенной клумбе.

Какое счастье, что у соседей нет собаки! Свиновидного Бусика я таковой не считаю, по моему, он и сам понимает, что не тянет на роль сторожевого пса, поэтому очень редко лает.

С удовольствием убедившись, что соседи, как и я, на ночь закрыли окна ставнями и из дома меня никто не увидит, я включила фонарик и осторожно полезла в заросли.

Два больших куста – жасминовый и сиреневый – я прошла без потерь, но потом все-таки попала на крючок шток-розы, с трудом отцепилась от ее колючек, ткнулась носом (низко

шла, видать, к дождю) в упругий помпон хризантемы, чуть не сломала гладиолус и по щиколотку влезла в молочную лужу петуний. Все это – в низком присяде, согнувшись, чтобы лучше видеть нижний ярус джунглей и не пропустить стеклянный блеск искомого бокала.

Блеснуло! Я пригнулась еще ниже и пошла на бреюшем, едва не задевая носом цветочный ковер. Осторожно запустив в него пятерню, я поворотила растительность.

Опять блеснуло! Я точнее нацелила фонарик, и у стебля очередной колючей розы увидела сверкающую крупинку. Подняла ее – хм... Интересное кино...

Бело-розовая, похожая на ноготок пластинка, легкая и гладкая. Перламутровая! А я, конечно же, не забыла, что перламутр совсем недавно упоминался в связи с пропажей ларца и содержавшегося в нем шишака.

На круглой перламутровой пластинке, если присмотреться, видны были тонкие темные черточки: похоже, глаза, брови, рот и нос.

– Кто-то голову потерял, – пробормотала я, имея в виду персонажей, в технике сложной инкрустации изображенных на ларце.

Хотя обо мне можно было сказать то же самое: напав на след исчезнувшего сокровища, я потеряла голову! Мне это свойственно – увлекаться чем-то моментально и сразу в высшей степени.

Версия выстроилась в моей голове моментально. Вор не унес ларец из дома Буяковых. Он просто выбросил его в открытое окно, прямо на клумбу!

Я решила, что не уйду отсюда, пока не прочешу заросли вдоль и поперек. Но человек предполагает – и только. Я и половину клумбы не осмотрела, когда услышала очень подозрительные шорохи. Встречным курсом в зарослях полз кто-то крупный! Размером с небольшого коромота, я думаю.

Я выключила фонарик и согнулась в три погибели, полностью схоронившись в цветочках. Малоприятный, кстати, опыт, не хотелось бы повторять его при жизни. Впереди, за плотными рядами декоративных подсолнухов, мелькнул луч света. Значит, это не хозяйская собачка.

Я отогнала видение песика Буси, вышедшего на ночную прогулку в шахтерской каске с фонариком: не потому, что такого просто не могло быть, вообще-то у Буси немало оригинальных нарядов, любящая хозяйка его и обшивает, и обвязывает с большой фантазией, – просто Буся, я говорила уже, изрядно одышлив и на ходу похрюкивает, а этот, с фонариком, двигался беззвучно. Хруст и шорохи не в счет, это еще недавно девственные джунгли слабо протестовали против их повторного поругания.

Я затихла, замерла, точно мышь под метлой. Впереди, за ненадежным ограждением из подсолнухов, еще потрещало, похрустело, пошуршало и стихло.

Свет погас. Похоже, я осталась одна.

Продолжать поиски мне расхотелось. Вот представьте картину: я лежу плашмя, ночь, луна, сыра земля, одуряюще пахнущие цветы и тишина-а-а-а... Только что мертвые с косами не стоят, а так вполне себе кладбищенская зарисовочка!

Надо было мне, наверное, поторопиться вылезти – может, успела бы увидеть того, кто сделал это чуть раньше. Каюсь – я побоялась. Если бы со мной хотя бы верная швабра была, а так...

Страдая от собственного малодушия, я двинулась в противоположную сторону – к штакетнику на границе двух домовладений.

Найти в этой ненадежной конструкции деревяшку, готовую покинуть относительно стройные ряды вертикальных палок, труда не составило, тем более что в обращении с такими деревяшками я в последнее время изрядно поднаторела (правда, моя верная швабра?). Я убрала одну палку, а потом, когда вылезла в образовавшуюся дыру, поставила ее на место и для пушей конспирации примотала к вертикальной перекладине плетью вьюнка.

Вот и все. Цветочки, которые я примяла и потоптала, за ночь благополучно распрямятся, и о моей вылазке в клумбу никто не догадается. Можно считать, что я ничего такого не делала. Тем более бокал свой так и не нашла.

Интересно, та таинственная личность, которая паслась в цветочках одновременно со мной, оказалась более находчивой, в смысле, добычливой? Ведь не просто так она, личность эта, залезла ночью в клумбу, явно тоже что-то там искала.

– Конечно, это мог быть кто-то из деревенских, – подумала я вслух. – Какой-нибудь романтичный, но экономный юноша. Он захотел преподнести свой подруге цветы, но не покупать же их, в самом-то деле, если можно надергать на чужой клумбе.

Тут мне вспомнилась роза, которую я нашла в сенях после явления мне Хтося. Цветок был явно с клумбы бабы Дуси, я только что видела куст с такими же красными розами.

То есть Хтось или как там его... А, Андрей Петрович Соколов! Он, значит, шел через огороды ко мне не кратчайшим путем, а по кривой, с заходом в многострадальную клумбу – ту самую, на которой я только что нашла перламутровый кусочек из мозаики, украшавшей крышку пропавшего ларца с шишаком!

– Митяй, Митяй, я все поняла! – жарко заговорила я в трубку, беспардонно разбудив брата-участкового срочным звонком. – Дело было так...

– Я, Ляся, тоже все понял, – беззлобно, с кроткой грустью, ответил Митяй сквозь зевок. – Ты послана мне в наказание. За грехи мои тяжкие...

– Это какие же у тебя грехи? – невольно заинтересовалась я.

– Тебе прямо сейчас исповедаться или ты сможешь подождать до утра?

– Не смогу, – вздохнула я. – Хотя твоя исповедь тут совершенно ни при чем. Я, Митя, поняла про ларец: его спрятали в клумбе!

– В какой еще клумбе? – спросил он.

А «какой еще ларец?» не спросил, значит, понял, о чем я.

– У Буряковых перед домом большая цветочная клумба, ты ее видел, это какой-то дикий лес, филиал амазонских джунглей.

– Ну! И что?

– А то – когда Соколов вломился в мой дом, ларца у него с собой не было. А роза была! И срезать ее он мог только на клумбе бабы Дуси, больше нигде. То есть сначала он залез в клумбу, а уже потом в мой дом.

– И?

– Не спи! Смотри, все складывается: Соколов с огорода протопал во двор Буряковых, зашел в дом – дверь, разумеется, была открыта, тут это норма, а хозяева по какой-то причине отсутствовали...

– Семен за хлебом ходил, а бабка в сортире сидела, это я уже выяснил, – наконец-то включился участковый.

– Ну вот! Соколов вошел в дом – и напрямик в гостиную, цапнул под образами ларец с шишаком, тут же вышел, залез в ту клумбу и спрятал там ларец!

– И пошел дальше по хатам? – усомнился Митяй. – Ладно, предположим, он знал про бабкин шишак и шел конкретно за ним. Информация-то была не секретная, про шишак этот вся округа в курсе. А к тебе-то он зачем попер? Я что-то не слышал, чтобы у тебя какие-то родовые сокровища хранились.

– Резонный вопрос, – неохотно согласилась я.

В самом деле, не за папиным же хрустальным бокалом охотился этот уголовник!

– Может, он у меня спрятаться думал? Сколько дом стоял пустой, пока я его не купила, – полгода, год?

– Да даже поболее, – припомнил Митяй.

– Ну вот! Соколов мог не знать, что у этого дома появилась хозяйка!

– Слабенькая, конечно, версия.
– Сейчас я ее усилю, – пообещала я. – Слушай сюда: десять минут назад я нашла в бурьян-ковской клумбе перламутровую голову!
– Что ты там нашла?!
– Фрагмент инкрустации, украшающей крышку ларца!
– Да? – Митяй немного помолчал. – Слушай, а что ты делала в этой клумбе? Ночью! У тебя же в доме есть свой теплый сортир...
– Фу на тебя, Митяй! Как ты мог подумать! – обиделась я. – Вот с чего бы мне?
– Ну, мало ли... Может, живот прихватило так, что до дома добежать не успела... Или, может, ты это из чувства прекрасного – чтобы на свежем воздухе, да под луной, в цветочках... Митяй захихикал, и я поняла, что надо мной откровенно издеваются.
– Ах, тебе смешно? Ну, тогда я тебе еще вот что скажу: я не одна была там, в клумбе под луной!
– Что, снова экстремальный бац-бац? – Митяй уже не хихикал, а ржал. – Как романтично!
– Да тьфу на тебя! – Я психанула и отключила связь.
И эти люди – я имею в виду сотрудников полиции – еще жалуются, что добросовестные граждане им не помогают! Тут и захочешь помочь, даже попытаешься это сделать – с открытым сердцем, со всей душой, – а тебе в эту открытую душу цинично наплюют!
– Ну и ищи его сам! – сказала я выключенному телефону, адресуясь к Митяю и имея в виду пропавший ларец, благополучно переждавший легкий шухер с его неактивными поисками на клумбе и, возможно, уже покинувший ее вместе с той неизвестной личностью, которая, сама того не зная, составляла мне компанию в цветочных джунглях...

Утром я проснулась с твердым намерением безотлагательно взяться за работу и закончить уже статью. В конце концов, что за глупость, расхлябаность и безответственное увлечение деревенскими тайнами? Кормит-то меня древнейшая профессия – журналистика, а не устное народное творчество!

Я умылась, покормила кота, сгрызла печенье и, прихватив большую кружку с крепким кофе, отправилась в свой кабинет – на чердак. Отличное место для добровольно-принудительной работы! Окошко маленькое и показывает только кусочек неба, так что засматриваться не на что, звуки с улицы практически не доносятся – ничто не отвлекает.

Главное, не дать проскользнуть в чердачный кабинет Шуруппаку: он чересчур азартно возится в хламе, который я, нерадивая хозяйюшка, просто сдвинула к стенам, а разбирать не стала. Ну, неохота мне его разбирать, этот чужой бардак! Копаться там, сортировать, по лестнице сносить... Было бы чердачное окошко побольше, я бы прямо в него все повыбрасывала да со двора на помойку отправила.

Но освобожденный от баракла просторный квадрат пола я намыла до блеска! Поместила там стул, стол, лампу, ноутбук – организовала прекрасное рабочее место. Осталось разве что ножки стула к полу привинтить и приспособить к ним цепи с кандалами, чтобы приковывать себя к месту и работать, работать, а не болтать и сачковать, как я это люблю и умею.

В общем, я заставила себя отвлечься от деревенского детектива и погрузилась в не столь захватывающую, но по-своему драматическую историю региональных застройщиков. У них после карантина темпы роста продаж новостроек сильно просели, даже льготная ипотека не помогает...

С бедами застройщиков я разбиралась часа три. Шура несколько раз приходил под дверь: сначала только скребся с намеком, потом начал подавать голос, и тон его становился все более скандальным. Я непоколебимо сидела и работала – умею, если надо, вкопаться крепко, как телеграфный столб.

Но кот не сдался. Он ушел из-под двери, выбрался из дома, запрыгнул на козырек навеса над крыльцом и оттуда пополз по стене к чердачному окошку, как Том Круз в роли супергеронта по отвесной скале. Я узнала об этом, когда решила выяснить, что за странное глухое бумканье доносится до меня с улицы.

Бумкал кот, срывающийся с бревенчатой стены на покрытый толью навес. Это было завораживающее зрелище, и я наблюдала его, позабыв о своих трудах, минут пять. За это время упорный кот предпринял три неудачные попытки совершить восхождение по стене и столько же раз с нее свалился.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.